

Litera

Правильная ссылка на статью:

Караханян Н.Ж. Смысловый потенциал концепта «вера» в повести Максима Горького «Фома Гордеев» // Litera. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.43566 EDN: JBDZMZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43566

Смысловый потенциал концепта «вера» в повести Максима Горького «Фома Гордеев»

Караханян Нарине Жораевна

ассистент, кафедра английского языка для гуманитарных специальностей, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

603074, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Бурнаковская, 95, кв. 120

✉ narine.80@list.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.6.43566

EDN:

JBDZMZ

Дата направления статьи в редакцию:

12-07-2023

Дата публикации:

06-06-2024

Аннотация: Цель статьи – выявить смысловый потенциал концепта «вера», показать его роль в раскрытии идейно-философского пласта повести, в системе образов-персонажей. Предметом исследования является анализ функций концепта «вера» и способы его актуализации в первом крупном произведении М.Горького повести «Фома Гордеев». Основной формой реализации концепта становятся монологи героев, обращенных к главному герою с целью внушить собственное представление о вере, а также в его внутренние монологи и диалоги с оппонентами. Перспективы исследования концепта «вера» связаны с анализом его функций в других жанровых формах, созданных писателем, позволяющим проследить эволюцию мировоззрения художника. Научная новизна заключается в доказательстве положения о том, что концепт «вера» в сюжете повести расширяет периферийный спектр значений, раскрывающихся в процессе

воспитательных монологов персонажей, обращенных к главному герою, его внутренних монологов и диалогов с оппонентами. Расширение периферийной зоны концепта происходит в его речевой репрезентации: использование действующими лицами рассматриваемого концепта позволяет судить о характере героя, нравственной атмосфере эпохи. Результат исследования показал, что использование типологического, историко-функционального методов, концептуального анализа позволило определить ассоциативное пространство актуализации семантических единиц, характеризующих концепт «вера». Полученные результаты можно использовать в курсе «История отечественной литературы XX века», в спецкурсах по творчеству Горького.

Ключевые слова:

Горький, Фома Гордеев, концепт вера, структура повествования, система образов, коннотация, периферия концепта, монолог, диалог, ассоциативный фон

В современном литературоведении произошел пересмотр сложившейся концепции творчества М. Горького, согласно которой писатель рассматривался вне культуры Серебряного века [\[12,17\]](#). Между тем, и ранние рассказы писателя, и его первое значительное произведение, повесть «Фома Гордеев», безусловно, вписываются в философский контекст Серебряного века, в поиски русской интеллигенцией ответов на вызовы времени. Конец XIX века – кризисная эпоха в истории России, время утраты веры в прежние идеалы, когда рождалось новое представление о *вере*, лишенное сакрального смысла, что не могло не отразиться и на идейно-философской концепции повести.

В создании образов персонажей автор использует практически всю парадигму признаков концепта «вера», комбинируя их в зависимости от характера героя или ситуации, в которой он находится. Расшифровка смысла зависит «от сиюминутного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя <...> [\[13, с.5\]](#), отражающего определенную идейную среду. Слово «вера» звучит на устах практически всех героев повести: оно включается в суждения персонажей, в их размышления о смысле жизни, его произносят и тетка Фомы, и Яков Маякин, и Ананий Щуров, и Николай Ежов, и, конечно, же, сам Фома. Актуализация концепта «вера» реализуется по принципу дихотомии: каждый персонаж представляет свою трактовку периферийного содержания анализируемого концепта «вера», рассуждая об «идеале», то есть о том, во что *верит*, и о «смысле жизни», понимаемом как *вера* в определенный идеал, определяющий движение к цели.

Функциональная значимость концепта, так же, как и общая идея большого по объему произведения, определилась далеко не сразу, о чем свидетельствует переписка Горького периода работы над повестью. Так в письме к А.Л.Волынскому (сентябрь 1897), Горький говорит о своем намерении «заняться вещью более широкого значения», [\[10, с. 236\]](#), Е.П.Пешковой (7 октября 1897 из Мануйловки) сообщает: «Медленно пишу роман», [\[там же, с. 240\]](#), Более подробно о своей работе он пишет С.П. Дороватовскому 5 или 6 января 1899: «К великому моему сожалению повесть, предназначенная для «Жизни», извивается у меня как змея. Нужно мне было написать ее на 5 листах, но я не сумею сделать это без ущерба для темы. Это мне обидно. Но уже теперь могу побойться, что в этой повести будут недурные картинки» [\[там же, с.303\]](#). Однако вскоре возникают сомнения «в правильности образно-композиционного строения повести» [\[7 с. 589\]](#), так как

задуманный им как главный герой Фома Гордеев не «типичен как купец, как представитель класса <...> Необходимо рядом с ним поставить другую фигуру, чтоб не нарушать правды жизни» (письмо Дороватовскому, 11 февраля 1899) [\[10, с.311\]](#).

Фигурой, воплотившей яркий тип русского купца эпохи рубежа веков, стал Яков Маякин, жизненное правдоподобие образа которого было с одобрением воспринято представителями купеческого сословия, полагавшими, что Горький «срисовал» Маякина с какого-то конкретного человека. Художественная концепция образа складывалась в сознании Горького постепенно, в результате осмысления значительного количества фактов, однако важную роль в этом процессе сыграла работа писателя в качестве корреспондента на Нижегородской Всероссийской выставке (1896). «В одном из фельетонов цикла «Беглые заметки» (11 июля «Ниж. листок») Горький воспроизводит образ мышления одного из хозяев, «устроителей жизни»: «Мы», - говорил недавно один купеческий оратор на частном обеде, - мы в настоящие дни представляем главенствующее сословие в стране, самое богатое и умное. Капитал, главная движущая жизнью сила, в наших руках и, значит, вся жизнь в нашем распоряжении» [\[11, с.430\]](#). Сам Горький считал, что образ Якова Маякина, типичного представителя купеческого класса, ему удался больше, чем образ Фомы Гордеева. Пользуясь своим авторским правом, как он впоследствии скажет, он привнес в суждения Якова Маякина что-то и от философии Ф. Ницше, в значительной степени повлиявшей и на формирование мировоззрения самого писателя, о чем неоднократно писали исследователи, отмечая, что Горькому близка идея о Ницше о сильной личности, но ее роль в истории человечества понималась писателем и философом по-разному (С.В.Заика, Д.А.Балика [\[4, 1, 18, 21\]](#)). В образе Якова Маякина эта идея получает своеобразную интерпретацию, согласно которой ницшеанский мотив права сильной личности распоряжаться судьбами людей, получает иную трактовку. «Как могут быть все счастливы и равны, - в форме риторического вопроса отвечает крестнику о законе жизни Маякин, - если каждый хочет выше другого быть?» [\[7, с.376\]](#), что подтверждает его право реализовать свою волю и веру в силу капитала, которую он так и не смог внушить своему крестнику Фоме.

Главный герой повести – Фома Гордеев – проходит испытание множеством верований людей, которые его окружают. Вера каждого персонажа проходит испытание сознанием Фомы, расширяет горизонт его знаний о мире, что и определяет особенности сюжетно-композиционного строения повести. Не случайно одним из главных наставников Фомы в своей вере становится его крестный – Яков Маякин, человек, который по православному закону обязан быть его духовным наставником, научать его общению с Богом. Ведь согласно православным традициям крестные «должны быть крепки в вере, должны молиться, жить полноценной церковной жизнью, воспитывать крестника в вере» [\[15\]](#).

Особая роль в идейно-философской концепции повести принадлежит Якову Маякину, который внушает Фоме свое представление о вере. Оно связано, прежде всего, с верой в силу денег, в силу труда, цель которого накопление богатства: «А кто, по нынешним дням, самые сильные люди? Купец в государстве первая сила, потому что с ним-миллионы!», - объясняет он Фоме [\[7, с.282\]](#) Имя Господа, которое часто звучит в его словах, упоминается им всеу, оправдывая жажду наживы. Маякин уверен, что «сколько бы человек ни грешил, если есть капитал, то ему Бог все простит» [\[7, с.286\]](#). На милость Господа надеется и многогрешный Ананий Щуров, веруя в «милость господню, «а Яшка, - добавил Ананий, - не верит ни в чох, ни в сои, ни в птичий грай... Яшка в бога не верит... это я знаю! И за то, что не верит, — на земле еще будет наказан!» [\[7, с.305\]](#).

Маякину принадлежат многочисленные отсылки к библейским и евангельским притчам, которые он интерпретирует на свой манер. Даже на смертном одре он уповает на милость Бога, так как жил, не унывая, и греха не боялся, ибо «Господь назначил человека на устройство жизни... а ума ему не так уж много дал — значит, строго искать недоимок не станет!.. Ибо свят он и многомилостив...» [7, с.457]. Сам же хозяин города не готов простить Фому и восклицает: «Хотя все мы — христиане, но прощенья тебе не будет от нас... Так и знай...» [7, с.453]. Справедливость слов Щурова о том, что в Бога Маякин не верит, подтверждается эпизодом объяснения крестного о домах для обездоленных, придуманных купечеством для того, чтобы «запирать их в дома разные и, чтоб не дорого было содержать их там, работать заставили их, стареньких да увечных... И милостыню подавать не нужно теперь, и, убравши с улиц отрепышей разных, не видим мы лютой их скорби и бедности, а потому можем думать, что все люди на земле сыты, обуты, одеты... Вот они к чему, дома эти разные, для скрyтия правды они... для изгнания Христа из жизни нашей!» [7, с.281].

Пожалуй, наиболее часто слово «вера» употребляет именно Яков Маякин, характеризуя свое отношение к Фоме, который постепенно теряет его *доверие*. В данном контексте вербализация концепта «вера» происходит на периферии лексем со значением «надежда» и «доверие», так как одно из устаревших значений слова «вера» - «надежда» рассматривалось как синоним слова «доверие» [5]. Со временем тает надежда его на то, что из Фомы вырастет достойный наследник капитала. После открытой конфронтации с Фомой и его слов, о том, что тот собирается разбазарить все состояние отца ради собственной свободы, Маякин говорит своей дочери Любе: «На Фому надежда плоха... хоть я и не отступлюсь от него...». [7, с.378].

Несколько вариантов веры связаны с женскими образами повести, несмотря на то, что сам автор в письме к Дороватовскому в июне 1899 г. отмечал их недостаточную разработанность: «Женщины - не удаются. Много совершенно лишнего, и я не знаю, куда девать нужное, необходимое» [10, с.346]. Тем не менее, включенные в повесть любовные испытания героя становятся дополнительным аргументом в характеристике Фомы: они не делают его жизнь осмысленнее, вера встреченных им женщин не способствует духовному возрождению героя. Пелагея оставляет Фому, так как она верит в свою правду об отношениях мужчины и женщины, отвергает его предложение жениться на ней, разбивая его сердце и вызывая у Фомы глубокую тоску. Разочарование, испытанное Фомой, рождает «помимо *страха* за отца и *тоски* о женщине <...> какое-то новое, сильное и едкое ощущение. Он не мог назвать его себе, но оно казалось ему близким к обиде на кого-то <...>» [7, с.247]. С образом Пелагеи в повесть входит образ *веры в судьбу*: герой вспоминает это слово, которое часто слышал от тетки Анфисы, и оно теперь ассоциируется им с «силой, подобной силе бога». С образом Софьи Медынской в повесть введена тема интеллигенции- иной вариант веры в судьбу, которая понимается Медынской как способ защиты от обыденности. Фома интересуется Софью как необычный представитель купеческого сословия, с которыми она кокетничает от скуки, при расставании признаваясь, что ей «только хотелось видеть [Фому] около себя...» [7, с.299]. Веру как цель жизни и ее идеалы Фома не улавливает и не понимает, поэтому и в этом случае его настигает очередное разочарование. Саша, очередная подруга Фомы, сразу определяет суть их отношений: «Я лгать не буду, прямо говорю, люблю за деньги, за подарки. Можно и так любить. Ты подожди, присмотрюсь к тебе, и, может, полюблю бесплатно... а пока—не обессудь... мне, по моей жизни, много денег надо...» [7, с.330]. Круг замыкается, Фома опять сталкивается циничной верой в силу

капитала, о чем не раз твердил ему Маякин.

Еще один важный штрих, касающийся отношений героя к интеллигенции, связан с образом Ежова, в словах которого о вере звучит авторская оценка современной интеллигенции, которая много говорит, но мало делает. Уверенность Ежова в том, что «нужно жить всегда влюбленным во что-нибудь недоступное тебе... Человек становится выше ростом оттого, что тянется кверху» [7, с.387] близка и самому Горькому. Не случайно этого героя автор наделяет профессией журналиста. Несмотря на то, что Ежов сетует на жизнь, он верит в свои силы, способность выступить обличителем порочности современного общества. Ежов опровергает веру маякиных в то, что капитал – это сила, потому, что наследники капитала вроде Фомы уже не способны продолжить дело отцов. «Брось! - кричит Ежов. - Ничего ты не можешь! Таких, как ты, - не надо... Ваша пора, — пора сильных, но неумных, прошла, брат! Опоздал ты... Нет тебе места в жизни...» [7, с.392].

По сути, все повествование о судьбе Фомы представляет собой цепь эпизодов, в которых автор знакомит героя с верой (уверенностью) других персонажей, что мотивирует нарастающее в нем чувство внутреннего напряжения. Он не принимает веру других, но и не находит точку опоры в себе, интуитивно ощущая невозможность понять, что же он такое, для чего живет и во что верит. Отсутствия веры в себя Фома осознает, как «бездонную, томительную пустоту» <...> в темной глубине ее он подозревал притаившееся существование какой-то враждебной ему силы, пока еще бесформенной, но уже осторожно и настойчиво стремившейся воплотиться...» [7, с.257]. В данном контексте образ враждебной силы - символ судьбы, вера в трагичность, которой постепенно замещает веру Фомы в человека, веру в то, что он обретет родственную душу, которая поймет его страдания. В повести эта потеря Фомой веры в человека сопровождается растущей душевной мукой, находящей выход в безобразных кутежах и пьянстве. Таким образом, смысловое ядро концепта «вера» расширяется за счет обогащения его периферии такими ассоциативными характеристиками внутреннего мира героя, как «тоска», «страх», «пустота», имеющими отрицательную коннотацию. Концепт веры в повести можно рассматривать и с точки зрения *неверия* Фомы в собственные силы, так как «из каждого впечатления у Фомы сейчас же выделялась колкая мысль об его неспособности к жизни» [7, с.422]. Так реализуется еще одно периферийное значение концепта «вера»: *неверие как неспособность* найти свое место в жизни.

Приведенные примеры показывают, что контекст употребления концепта «вера» каждый раз различен, а парадигма его признаков оказывается чрезвычайно широкой. В парадигму лексических значений слова входят такие смысловые компоненты, которые связаны с обозначением «уверенности», «убежденности», «верования», то есть отсутствия всякого сомнения или колебания о бытии и существовании Бога; «верить во что, кому или чему; иметь веру, дать веру, поверить; принимать за истину, не сомневаться, быть уверенным» [19].

Одним из важнейших вариантов реализации концепта становится религиозный аспект. В разных контекстах повести, мотивируя поступок персонажа, автор использует лексемы, находящиеся на периферии ядра концепта «вера». Его актуализация происходит через употребление слов «бог», «молитва», «господь», «Христос». Истоком нравственного воспитания Фомы была искренняя, стихийная вера тетки, наставлявшей мальчика: «Бога помни, Фомушка» [7, с.220], что в данном контексте означает пожелание быть добрым и отзывчивым, но может иметь и другой смысл: «побойся бога», помни о возможном

возмездии за неблагоприятные поступки. Ночные страхи мальчика тетка Анфиса изгоняет советом прочитать про себя молитву «Да воскреснет *бог*», будучи убежденной, что она прогонит бессознательное темное начало, скопившееся в душе Фомы. Включая в текст молитву, созданную на основе 67 псалма Давидова [\[22\]](#), Горький тем самым подтверждает глубину и искренность веры тетки Анфисы в то, что произнесенное вечернее правило перенесет ребенка в рай, подобно тому, как возвращение Давидом Ковчега Завета в Иерусалим воспринималось как воскресение Иисуса. Вера Анфисы – простонародная вера в Бога, а одним из возможных вариантов истоков образа тетушки могли стать воспоминания писателя о бабушке Акулине, чей образ в полной мере воплотится гораздо позднее в «Детстве», написанном уже в 1913 году. Можно предположить, что в вербализации концепта «вера» отразились элементы автобиографического характера, на что указывает ряд исследователей. [\[21,16,3\]](#). Возможно, что народные предания и сказки тетки Анфисы послужили своеобразным мостиком от этого образа к образу бабушки Акулины, одному из центральных в первой части автобиографической трилогии Горького.

Концепт «вера» реализуется в повести и опосредованно, через воспроизведение особенностей восприятия Фомой рассказов Анфисы, как это происходит с «Повестью о Христовом крестнике», малоизученном памятнике XVII столетия [\[14, с.156-158\]](#). Сама повесть в тексте не названа, сказано, что Фома «знает эту страшную сказку о крестнике бога, не раз он слышал ее и уже заранее рисует пред собой этого крестника...», посланного Богом и Богородицей на землю карать грешников. Воображение ребенка рисует картины «нестерпимых мук, коим осуждены грешники... И слышит он тихие стоны и просьбы их: «О-о-о! Человече! Спроси у *господа*, долго ли еще мучиться нам?» [\[7, с.223\]](#).

В ином контексте поминает Бога Игнат, для которого наставление сыну «Господа нашего, смотри, не забудь... Это верно!» означает уверенность в том, что пожертвование на церковь – способ «задобрить» Его. А его выражение «Бога и родителя — чти! представляет собой словесное клише, которым Игнат обозначает родительское участие в воспитании сына [\[7, с.220\]](#).

Известно, что Горький несколько раз возвращался к редактированию текста повести [\[6, с.397-490\]](#). Проведенный сравнительный анализ черновых вариантов и окончательного текста показал значительное сокращение количества материала, показывавшего благоговейное отношение Фомы к Богу, молитвенные обращения к нему, которые в детстве облегчали его страдания [\[16, с.598, с.615\]](#). Так, например, из финальной редакции текста был удален эпизод наставления Фомой полупьяного, который жалуется на несправедливую жизнь. «Жизнь не бог, а люди строят! — выпалил Фома и даже сам удивился дерзости своих слов... Строй свою жизнь своим разумом. Бог же будет судить тебя... Все мы на службе его... и всем нам одна перед ним цена...». [\[7, с.601\]](#).

В образе Фомы Гордеева автор запечатлел человека, который интуитивно не принимает нормы морали общества, в котором он живет. Как известно, Горький сократил большие эпизоды из повести, чтобы не вызвать у читателя ошибочное представление об образе Фомы, например, о его невменяемости или покаянии перед Богом в искупление греха богатства. Актуализация концепта «веры» происходит также через ассоциативное восприятие образа Фомы Гордеева с евангельским апостолом Фомой, одним из двенадцати ближайших учеников Христа, который не верил в Воскрешение Христа, пока не увидел Господа своими глазами.

Еще современными Горькому критиками было замечено, что писатель, создавая образ Фомы, часто наделяет его своими суждениями, так же, как и поиски героем своего места в жизни восходят к фактам биографии писателя (Н.К.Михайловский) [\[16, с.594\]](#). Очевидно, что вопросы, волновавшие Фому Гордеева, о понимании самого себя и о своем месте в жизни определяли особенность интерпретации им биографического материала в художественных произведениях. Нельзя не провести параллель между духовными метаниями Фомы Гордеева и самого Горького, о чем писатель напишет позднее в своем очерке «О вреде философии», относящимся к нижегородскому периоду его поисков смысла жизни, когда в результате посещения кружков самообразования, встреч с членами общества «трезвых философов» в сознании молодого Пешкова поселился «тревожный хаос» и он «почувствовал, что мозг мой плавится и кипит, рождая странные мысли, фантастические видения и картины. Чувство тоски, высасывающей жизнь, охватило меня, и я стал бояться безумия» [\[8, с.58\]](#). К чему-то очень напоминающему эту жизненную реальность приводит Горький и своего героя в финале повести. Тоска как состояние души, вызванное потребностью человека понять себя и определить свое место в жизни, было хорошо знакомо писателю [\[20\]](#). Однако Фома Гордеев хочет не только верить во что-то, но и понимать, в чем для него смысл жизни, и кто он.

Современная критика упрекала Горького в немотивированности финала повести (А.И.Богданович) [\[16, с.618\]](#). Однако финал повести вполне закономерен, так как Фоме Горький уготовил лишь судьбу пророка, предвестника гибели буржуазного класса, а не активного борца с ним. Протест Фомы – его «обвинительная» речь на палубе парохода ничего не изменяет в сознании тех, к кому он обращается: «Я пропал... знаю! Только — не от вашей силы... а от своей слабости... да!» [\[7, с.455\]](#). Но в ней звучит и угроза, отсылающая читателя к тому, кого Маякин, Щуров и многие другие считают милостивым, прощающим прегрешения «крепких духом, умных людей». Образ Бога и связанный с ним мотив посмертного наказания: «не в огне, а в грязи кипящей варить вас будут. Веками не избудете мучений...» [\[7, с.450\]](#) в гневных обличениях Фомы предстают в финале как еще один вариант периферийного значения концепта «вера», как *надежда* героя на то, что не будет прощения тем, кто во имя умножения капитала рассчитывал на Его милость.

Свое понимание Бога писатель кратко формулирует в письме Ф.Д.Батюшкову от 9 октября 1898 из Нижнего Новгорода в период работы над повестью. Можно с известной долей уверенности предположить, что выражение, которое Горький использует для определения своей натуры «...мысли, и чувства мои никогда не уравновесятся, никогда не придут к одному знаменателю — нет места богу в душе моей...», могут быть интерпретированы как своеобразный вариант финальной ситуации, в которой оказывается его Фома Гордеев. Однако если герой повести стремится к обретению внутреннего покоя и ясности, то ее автор декларирует веру в творческую силу человека, используя славянское выражение «аз есмь», характеризуя свою задачу писателя как творца иного мира: «аз есмь волна морская, лучи солнца отражающая и поющая о жизни с похвалою и гневом» [\[10, с.275.\]](#).

В результате проведенного нами исследования можно сделать вывод о том, что, анализируемый концепт «вера» в повести «Фома Гордеев», помимо своего основного словарного значения, имеет широкое смысловое наполнение, актуализирующееся через систему образов и композицию произведения. Весь спектр дополнительных ассоциативных значений концепта «вера», а именно «надежда», «тоска», «страх», «пустота», «неверие», обусловлен задачей писателя показать существенные изменения, происходящие в обществе, переживающем назревание нравственного и

идеологического кризиса. В суждениях и поступках нетипичного главного героя повести, а также других персонажей повести, воплотились общая картина русской действительности рубежа эпох, назревающий социальный сдвиг и сопровождающие его поиски человеком нравственной опоры в меняющемся мире, в том числе и самого автора, вырабатывающего собственное мировоззрение.

Библиография

1. Балика Д.А. Горький над страницами философских книг (По неизданным материалам) // Новый мир. 1938. № 8. С. 253-261.
2. Басинский П. Ранний Горький и Ницше. Горький – художник и революция. Горьковские чтения-1990. Вып. 2. Новгород: Изд-во НГУ, 1992. С. 20-26.
3. Барахов В.С. Концепция человека у раннего Горького: «Фома Гордеев». Максим Горький и XX век: Горьковские чтения. 1997 год: Материалы международной конференции: Изд-во Нижегород. ун-та, 1998. С. 25-32.
4. Заика С.В. Горький и Ницше // Максим Горький сегодня. Горьковские чтения-1995. Н.Новгород, 1996. С. 42.
5. Гаврилова А.С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50000 слов. М.: «Аделант», 2014. – 800с.
6. Горький А.М. Полное собрание сочинений: Варианты к художественным произведениям. М.: Наука, 1974 Т. 1: Варианты к томам I-V. 1885-1907. – 638 с.
7. Горький А.М. Полное собрание сочинений: Художественные произведения. В 25 т. Т.4. М.: ИМЛИ РАН, 1968. – 638 с.
8. Горький А.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т.15. Рассказы, очерки, заметки 1921-1924. М.: Гослитиздат, 1953. – 431 с.
9. Горький А.М. Полное собрание сочинений: Статьи, доклады, речи, приветствия. 1933-1936. В 30 т. Т.27. М.: Гослитиздат, 1953. – 590 с.
10. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т.1, М.: Наука. 1997. – 695 с.
11. Горький А.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 23. М.: ГИХЛ, 1953. – 463 с.
12. Захарова, В. Т. Нижегородский период в жизни и творчестве М. Горького: пути становления художественного сознания / В. Т. Захарова, М. Г. Уртминцева // Новый филологический вестник. – 2018. – № 2(45). – С. 138-153.
13. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. 1993. С. 3-9.
14. Пигин А.В. Повесть о христовом крестнике – малоизученное произведение XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X международной научной конференции (9-13 сентября 2019 года. Москва, Россия). Приложение к журналу Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.: Индрик, 2019. С. 156-157.
15. Попиченко Е. Мои вторые родители. Беседа с протоиереем Евгением Попиченко о крестных родителях. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/authors/1562.htm>. Дата обращения бращения: 26.06.2023.
16. Смирнова Л.Н. Л.Н. Примечания к повести М.Горького «Фома Гордеев». Полное собрание сочинений: Художественные произведения. В 25 т. Т.4. М.: ИМЛИ РАН, 1968. С. 585-631.
17. Спиридонова, Л. А. Глава 15. Творчество Горького в контексте Серебряного века / Л. А. Спиридонова // М. Горький-мыслитель, художник, человек. – Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2022. – С. 254-284.
18. Спиридонова, Л. А. М. Горький-мыслитель, художник, человек / Л. А. Спиридонова. – Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2022. 432 с.
19. Толковый словарь Даля. [Электронный ресурс]. URL: <https://>

slovardalja.net/word.php?wordid=2811. Дата обращения: 23.06.2023.

20. Уртминцева, М. Г. Автобиографическое начало в художественной структуре произведений М. Горького 1890-х-1900-х годов / М. Г. Уртминцева // Acta Eruditorum. – 2018. – № 27. С. 90-95.

21. Фарбер Л. М. А. М. Горький в Нижнем Новгороде. Очерк жизни и творчества. 1889-1904. 2-е изд., перераб. и доп. Горький, Волго-Вятское кн. изд-во, 1968, 248 с.

22. Чиженко А. Когда нужно читать молитву «Да воскреснет Бог...»? [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/103361.html>. Дата обращения: 23.06.2023.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Смысловой потенциал концепта «вера» в повести Максима Горького «Фома Гордеев», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к произведениям советской эпохи, которые в настоящий период подвергаются переосмыслению.

В настоящей работе автор обращается к творчеству Максима Горького, который рассматривался ранее в науке вне культуры Серебряного века, хотя его ранние произведения и, в частности, рассматриваемая повесть «Фома Гордеев», безусловно, вписываются в философский контекст Серебряного века, в поиски русской интеллигенцией ответов на вызовы времени.

В данном произведении в создании образов персонажей автор использует практически всю парадигму признаков концепта «вера», комбинируя их в зависимости от характера героя или ситуации, в которой он находится, что обуславливает цель работы, а именно: рассмотрение потенциала концепта «вера» в творчестве М. Горького.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественной филологии. Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной проблематики.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Основными методами явились контент- анализ, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что вводная часть не содержит исторической справки по изучению данного вопроса как в общем, так и в частном. Отсутствуют ссылки на работы предшественников. Данный факт не позволяет научное приращение знание и новизну исследования.

Библиография статьи насчитывает 22 источника исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к исследованиям зарубежных ученых, несомненно, обогатило бы работу. Большее количество ссылок на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации усилило бы теоретическую составляющую исследования. При составлении библиографии автором был нарушен

общепринятый принцип ГОСТа.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные наработки в дальнейших тематических исследованиях в области отечественной филологии.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Смысловой потенциал концепта «вера» в повести Максима Горького «Фома Гордеев» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.